Раскол

К маю 1957 года трения между Молотовым и Хрущевым достигли точки кипения. Столкновения между ними происходили по любому поводу. Молотов не воспринимал ничего, исходящего от отца. Отец платил Молотову той же монетой. О претензиях Молотова к отцу я уже написал достаточно и напишу еще.

А вот как отец относился к Вячеславу Михайловичу? 18 апреля 1957 года Молотов в качестве министра государственного контроля вносит на рассмотрение Президиума ЦК предложения своего министерства «Об устранении серьезных недостатков в работе по повышению ресурса и улучшению экономичности авиационных двигателей». Проблема известная и застарелая, советские реактивные двигатели работали без переборки менее сотни часов, а английские – пятьсот и даже тысячу часов, керосина наши моторы сжигали гораздо больше американских. Все упиралось в технические нюансы. Президиум уже поручал авиационщикам разобраться в проблеме. Они все еще разбирались, и вмешательство на этой стадии лиц, ничего не смыслящих по существу дела, занятых поиском виновных контролеров, помочь не могло. Молотов считал иначе, по его мнению, причина в людях, их следует приструнить, и все наладится. Отец удивился, зачем Госконтроль берется за такие, не свойственные ему, чисто технические проблемы? Он предложил «снять» вопрос.

– Не могу согласиться с мнением товарища Хрущева, предлагаю обсудить записку на Совете обороны, – стоит на своем Молотов.

Остальные присутствовавшие на заседании в пикировку отца с Молотовым не вмешивались. В итоге записку Молотова отправили в архив.

27 апреля 1957 года Президиум ЦК отверг внесенный Молотовым проект Положения о Госконтроле как неприемлемый, ставящий Молотова и его министерство над всеми другими органами власти. Проект возвратили на доработку, а 4 мая 1957 года по предложению Булганина, отец на сей раз держится в стороне, не разрешили Вячеславу Михайловичу до рассмотрения Положения опубликовать в «Правде» статью о Госконтроле. Молотов обиженно подчинился.

Забегая вперед, скажу, что 31 мая 1957 года вновь заворачивают переработанное Положение о Госконтроле. По мнению отца, оно по-прежнему неприемлемо, особенно в части инспекции совнархозов.

В первой половине мая становится очевидно: конфликт между Молотовым и Хрущевым перезрел, раньше или позже выльется в открытое столкновение, в результате которого одному из них придется уйти. В Президиуме ЦК образовались две фракции: реформаторы во главе с отцом и догматики-сталинисты Молотов, Каганович и, отчасти, Ворошилов. Между ними балансировали Булганин, Маленков, Сабуров, Первухин.

В подтверждение своих слов сошлюсь на Жукова.

«Я не помню ни одного заседания Президиума ЦК, – рассказывал он в 1963 или 1964 году, – на котором не было бы схватки и ругани между Хрущевым и Кагановичем, между Хрущевым и Молотовым. Молотов держался особняком. У Кагановича с Хрущевым имелись старые счеты, давали себя знать неприязненные взаимоотношения, возникшие еще при совместной работе в Московском комитете партии (в 1930-е годы) и на Украине (1946–1947 годы), где Каганович был партийным руководителем, а Хрущев его подчиненным. Каганович считался более грамотным марксистом-ленинцем, а Хрущев считал Кагановича неисправимым догматиком-сталинистом.

Ворошилов, можно сказать, не играл никакой роли. Я не помню ни одного случая, чтобы Ворошилов внес какое-то деловое предложение. Рассылаемых материалов он не читал и к заседаниям почти не готовился.

Булганин, как всегда, был на высоте подхалимства и приспособленчества: то подойдет к одному, то к другому. Одному слащаво улыбнется, другому крепко жмет руку. Булганин вначале безропотно и во всех начинаниях поддерживал Хрущева, но постепенно он стал все больше склоняться на сторону Молотова и Кагановича. Булганин плохо знал народное хозяйство страны, особенно сельское хозяйство. Ни разу по линии Совета Министров не поставил какого-либо вопроса на Президиуме ЦК.

Булганин, понимая, что он плохо выполняет роль Председателя Совета Министров, что везде и во всем его опережает Хрущев, видимо, внутренне вполне созрел для присоединения к антихрущевской группировке и, как только пронюхал, что против Хрущева сколотилась группировка большинства членов Президиума ЦК, он немедленно присоединился к ней.

Лично я считал линию Хрущева более правильной, чем линию Кагановича и Молотова, которые цепко держались за старые догмы и не хотели перестраиваться в духе веления времени. Мне казалось, что Хрущев все время думает и ищет прогрессивные методы, способы и формы в деле строительства социализма, в области развития экономики и всей жизни страны. Хрущева я хорошо узнал на Украине в 1940 году, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Я его считал хорошим человеком, постоянно доброжелательным и, безусловно, оптимистом.

Сталин хорошо относился к Хрущеву, но я видел, что он иногда был несправедлив к нему, отдавая во всем пальму первенства Молотову, Берии, Маленкову и Кагановичу. Учитывая все это, я твердо поддерживал Хрущева в спорах между ним, Кагановичем и Молотовым.

Нам, молодым членам Президиума, казались странными такие недружелюбные взаимоотношения между старыми членами Президиума, часть которых долгое время работала вместе со Сталиным и даже с Лениным. Такое нелояльное их отношение друг к другу не могло не сказаться на деле. Мы пытались было посоветовать им прекратить ругань, но где там, разве наш голос был для них авторитетным».

Итак, в середине мая 1957 года Молотов в случае столкновения с Хрущевым мог твердо рассчитывать на поддержку Кагановича.

Маленков держался осторожно, до последнего момента взвешивал, подсчитывал шансы как Молотова, так и отца. Всегда чутко улавливающий расстановку сил, Георгий Максимилианович, как видно из опубликованных документов, в апреле-мае 1957 года начинает потихоньку, исподволь, все чаще перечить отцу. Ему представляется, что пришла пора смены лидера, и тут главное – не опоздать. С отцом он расставался без сожалений, так же, как он расставался со Сталиным, а потом и с Берией. Отец для него отныне становился уже отыгравшей свое картой.

Ворошилов тоже постепенно отстранялся от Хрущева. С Молотовым и Кагановичем его в первую очередь роднил Сталин. С другой стороны, в кресле Председателя Президиума Верховного Совета он чувствовал себя неуютно и неуверенно, стоит Хрущеву пальцем шевельнуть... Опытный царедворец, Климент Ефремович, как и Маленков, всегда поддерживал победителя, но только в последний момент. В майских перипетиях он не участвовал, путешествовал по странам Азии. Домой его ожидали к концу месяца.

Всех их – Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова роднило одно: они – политики из прошлого, ныне практически утратившие реальную власть. У них оставался последний шанс, свергнуть Хрущева и вернуть себе все.

Сторону отца держали Микоян, Суслов, Кириченко, с ними Жуков и другие кандидаты в члены Президиума, так же, как и вновь избранные секретари ЦК, люди реально управлявшие страной и не собиравшиеся никому уступить свою власть.

Если считать голосующих членов Президиума ЦК, то с некоторой натяжкой на Маленкова с Ворошиловым получалось четыре на четыре. Исход противостояния, как это часто случается в истории, зависел от колеблющихся – Булганина, Первухина и Сабурова.

На Первухина отец больше рассчитывать не мог, но и к «молотовцам» тот присоединяться не спешил. С одной стороны, затеянная отцом реформа экономики для него как кость в горле, с другой... С другой, пост министра одного из важнейших в стране министерств – средмаша – в сочетании со званием первого заместителя Председателя Правительства, если

и не очень устраивал, то и рисковать им он смысла пока не видел. Кроме того, от природы человек мягкий, Первухин старался по возможности избегать конфликтов.

Не определился до конца и Сабуров. В противоположность Первухину – решительный и даже грубый администратор, он конфликтов не боялся, но обиженный на отца за несправедливую, по его мнению, отставку от Госплана, Сабуров, в душе антисталинист, не симпатизировал и сталинистам, Молотову с Кагановичем. Его раздирали внутренние противоречия.

Отец считал, что он может твердо полагаться на Булганина с Шепиловым. Все последние годы они с Булганиным держались вместе: и в момент смерти Сталина, и при подготовке ареста Берии. Казалось, он мог доверять Булганину во всем. Перебирая варианты, обдумывая кандидатуры, подходящие для замены Маленкова на посту Председателя Совета Министров, отец неслучайно остановился на Булганине. А теперь Булганина в лагерь недоброжелателей подталкивал он сам. Напомню, как во время визитов в Женеву и Великобританию отец, в силу своего характера, оттеснял Булганина, перехватывал инициативу. То же самое продолжалось и в Москве. Сначала Булганин не обращал внимания, совсем недавно, в апреле, настоял на присвоении отцу Героя Социалистического труда, затем начал обижаться. Коллеги по Президиуму ЦК подливали масла в огонь, кто сочувственно, кто язвительно нашептывал: «Никита тебя ни в грош не ставит. Стоит только избавиться от его опеки, и ты, Булганин, станешь...» Кем станет Булганин, оставалось неясным, но с некоторых пор он начал обращать все больше внимания на эти слова.

Шепилов, как видно из доступных нам документов, твердо, пока твердо, на стороне Хрущева. Отец быстро продвигал его, и Шепилов связывал свое будущее с Хрущевым, по крайней мере, до тех пор, пока у самого Хрущева имелось это самое будущее.

Отец не ощущал изменений в своем ближайшем окружении или не обращал на них внимания. По-прежнему гулял вечерами с Маленковым, продолжал по дружбе «подкалывать» Булганина, сражался с Молотовым. Мы дома тоже ничего не чувствовали, я готовился к свадьбе. Дочь Маленкова Воля с мужем, архитекторы, гостили у моей старшей сестры Юли, в Киеве. Они выиграли там какой-то конкурс и сейчас готовились к воплощению своего проекта в камень. Жили не в гостинице или правительственной резиденции, а у Юли на квартире, по выходным выезжали к ней на дачу.

Итак, в середине мая 1957 года расслоение в Президиуме ЦК стало реальностью, недоставало последней капли. А тут отец, как нарочно, сам подлил масла в огонь. Во время одного из совместных обедов в Кремле он заговорил о необходимости омолодить Президиум ЦК, «вливать в него свежую кровь».

– Мы все уже перешагнули за предел жизни наших людей, – рассуждал отец, – мне пошел 64-й год, остальным чуть больше или чуть меньше, Ворошилову так вообще 76 лет. Совесть надо иметь, пропустить вперед молодых. Вот кое-кто ворчит, что председателем Госплана назначили слишком молодого неопытного Кузьмина. А ему 46 лет, разве это молодость, если, конечно, не смотреть с позиций 76-летнего.

Отец считал сорок лет наиболее плодотворным возрастом для прихода во власть: уже поднакопился опыт и еще в полной мере сохраняется энергия, желание работать, стремление достичь чего-то.

– Поверьте, придут к руководству партией, страной свежие молодые люди, они управятся не хуже нас, – убеждал он членов Президиума.

В данном случае отец, без сомнения, намеревался не только омолодить, но и разбавить становившийся все более оппозиционным ему Президиум своими сторонниками. Просто так убрать «стариков» он не мог, они сидят в руководстве страны много дольше его самого и составляют большинство Президиума.

Тогда же, в мае, отец зашел с другой стороны, предложил расширить состав Президиума до пятнадцати человек, но наткнулся на глухую стену. По привычке согласился только один Булганин, но и он после «разъяснений» Молотова назвал предложение Хрущева «разжижением».

Как обновление, так и расширение Президиума ЦК не только не устраивало коллег отца, но и смертельно их испугало. Если Хрущев вынесет вопрос Президиума на очередной Пленум ЦК, то наверняка получит поддержку. В результате их, пусть и гипотетическое большинство превратится в явное меньшинство. Отец сам толкал оппозицию к активным действиям.